Л. В. ШТЫЛЕВА, О. И. КЛЮЧКО

Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьников

Введение. В современном российском обществе разворачивается бурная полемика между традиционалистской и эгалитарной идеологиями гендерных отношений. Содержание гендерной ментальности интенсивно изменяется в период от младшего подросткового к старшему школьному возрасту. Цель статьи – выявить приверженность современных школьников традиционным или эгалитарным нормам мужского и женского поведения, определить векторы изменений их гендерных идеалов и представлений в течение подросткового возраста в условиях закрытого образовательного учреждения.

Материалы и методы. Представлены результаты анкетирования учащихся 5-х и 11-х классов Московского кадетского корпуса «Пансиона воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации» (Москва), в ходе которого изучались гендерные идеалы, представления и склонности как промежуточные результаты гендерной социализации.

Результаты исследования. Эмпирически фиксируются противоречивые тенденции в развитии гендерной ментальности школьников: расширение эгалитарных представлений относительно семьи и профессиональной деятельности при одновременном росте традиционализма во взглядах школьников от младшего подросткового к юношескому возрасту.

Обсуждение и заключения. Обосновывается необходимость изменения педагогической культуры, повышение уровня гендерной компетентности учителей и воспитателей, переход от полоролевой к гендерной модели социализации в образовании.

Ключевые слова: традиционалистская и эгалитарная модель поведения, фемининность/маскулинность, трансформации в ментальности, гендерная социализация в образовании, гендерные идеалы, ценности и представления.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01207

Ссылка для цитирования:

Штылева Л. В., Ключко О. И. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьников // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 240–255. doi: 10.32744/pse.2019.2.18

L. V. SHTYLEVA, O. I. KLYUCHKO

Gender transformation in the mentality of the modern Russian school girls

Introduction. In today's Russian society there is a stormy debate between the traditionalist and egalitarian ideologies of gender relations. At the same time, the gender mentality is changing intensively in the period from the younger adolescent to the senior school age. The purpose of the article is to identify the adherence of modern schoolchildren to traditional or egalitarian norms of male and female behavior, to determine the vectors of changes in their gender ideals and ideas during adolescence in a closed educational institution.

Materials and methods. Presented the results of a questionnaire survey of pupils of the 5th and 11th grades of the Moscow cadet's school «Boarding school of Ministry of Defense of Russian Federation», Moscow, which examined ideals, perceptions, inclinations as intermediate results of gender socialization.

Results. Empirically recorded contradictory trends in the development of gender mentality schoolgirls: the expansion of egalitarian notions of the family and professional activities, while increasing the proportion of traditionalist views of schoolgirls from younger adolescent to adolescence.

Discussion and Conclusions. The author substantiates the need to change the pedagogical culture of teachers and educators, the transition from sex-role to gender model of socialization in education.

Keywords: traditional and egalitarian models of behavior, femininity / masculinity, transformations in mentality, gender socialization in education, gender ideals, values and views

Acknowledgements: The study was performed with the financial support of RFBR within the research project No.18-013-01207

For Reference:

Shtyleva, L. V., & Klyuchko, O. I. (2019). Gender transformation in the mentality of the modern Russian school girls. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 38 (2), 240-255. doi: 10.32744/pse.2019.2.18

Введение

Ментальность современного человека подвергается непрерывным изменениям в силу динамичности общественных трансформаций. Гендерные идеалы, ценности и представления как неотъемлемая составляющая менталитета крупных социальных общностей и психической жизни каждого человека, также непрерывно и существенно изменяются на протяжении XX-XXI вв. [1]. «Происходящие в сфере социальной жизни трансформации, такие как постепенное разрушение традиционной системы гендерной сегрегации, ослабление поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности, распространение тенденции равного распределения обязанностей в сфере семейно-брачных отношений» [2] способствуют модификации социокультурных стереотипов и представлений мужчин и женщин друг о друге и о себе.

Особенность российских трансформаций заключается в том, что они представляют собой процесс с открытым финалом [3]. В настоящее время выявлено две противоположных тенденции, которые исследователями обозначаются как, с одной стороны, акцент на выраженной тенденции сближения профессиональных и семейных ролей мужчин и женщин, а с другой стороны, как внимание не к сходству, а к различиям между мужским и женским поведением, противопоставление ролей, статусов и жизненного предназначения мужчины и женщины. Эти тенденции на уровне массового сознания проявляются в сосуществовании традиционалистских (патриархатных, консервативных) и эгалитарных гендерных норм [4, с. 27]. Каким будет результат развития этих тенденций, во многом зависит от формирующегося мировоззрения молодого поколения, которое сегодня сидит за школьными партами и в студенческих аудиториях.

Исследователи российской современности указывают на основной социально-психологический механизм поддержания неравенства между полами в семье и на рынке труда – *гендерные установки и предубеждения* [5]. В связи с этим гендерное образование молодого поколения рассматривается как исследователями, так и педагогами-практиками в качестве основного средства преодоления дискриминации и неравенства, стратегии изменения гендерных представлений и идеалов населения [6]. Поэтому гендерные представления современных школьников являются важным прогностическим источником информации о тенденциях развития гендерных отношений в России, о направленности, противоречиях и динамике изменений в этой сфере.

Гипотеза исследования: представления современных школьниц отражают противоречия между традиционалистской и эгалитарной идеологиями гендерных отношений в российском обществе начала XXI в. и интенсивно изменяются в период от младшего подросткового к старшему школьному возрасту.

Теоретико-методологические основы исследования

За последние 50 лет пройден большой путь в исследованиях трансформаций гендерной ментальности женщин и мужчин. Если в 60-70-е гг. прошлого века методология гендерных исследований воспринималась как направление в обществознании и гуманитарных науках, оппозиционное традиционным подходам, то в конце XX – начале XXI вв. положение о социальной детерминации пола и способах её проявления

интегрировано в большинство областей научного знания [7]. Изменение онтологического статуса категорий «мужское» и «женское» привело к формированию мощной познавательной стратегии денатурализации гендерных различий и появлению множественных моделей «маскулинности» и «фемининности» [8], дифференциации феноменов гендерной идентичности, сексуальности и половой роли.

Гендерный компонент ментальности позволяет человеку идентифицировать себя как представителя определенного пола, а также осмыслить свойственные своему полу образ мышления и практики преобразования себя и окружающей действительности. Элементом структуры ментальности выступают гендерные аспекты Я-концепции, гендерные стереотипы, ценности, образцы поведения, роли и нормы взаимодействия и отношений, которые являются культурными и социальными детерминантами мышления и поведения человека как создателя, носителя и выразителя гендерной идентичности [9].

В основе теоретико-методологической платформы нашего исследования находятся социо-конструктивистский и гендерный подходы, а также типология гендерных стереотипов (Клецина И.С., 1998) и теория гендерных норм (Клецина И.С., Иоффе Е.В., 2017). Гендерный подход как научная методология центрируется на идее *социокультурной детерминации способов существования пола* и акцентирует внимание на интерпретации существующих различий между полами [10]. Исследованиями последних лет доказывают, что гендерная категоризация в ментальности, как мужчин, так и женщин очень устойчива и приводит к гендерной сегрегации в образовании, профессиональной деятельности, отношениях людей [11].

На сегодняшний день наиболее значимыми являются различия между традиционалистскими и эгалитарными нормами гендерных отношений. «В соответствии с *традиционалистскими* нормами и правилами мужского и женского поведения, которые были распространены в разных обществах в предыдущие столетия, специфическими характеристиками статусных позиций в социуме и соответствующих ролей мужчин и женщин являются *полярность, противопоставленность и неравноценность* (в глазах общества! – авт.). Идеи традиционализма соответствуют консервативной идеологии, утверждающей главенствующую роль мужчины в обществе и семье. В настоящее время отмечается тенденция к сближению и взаимозаменяемости ролей и статусных позиций мужчин и женщин, что соответствует *эгалитарным* гендерным нормам» [4, с. 17].

Считаем необходимым привести основные характеристики традиционных и эгалитарных гендерных норм, реализующихся в моделях маскулинности и фемининности, которые в нашем исследовании выступают в роли *методологических ориентиров*, сравнение с которыми позволяет судить о состоянии гендерных идеалов современных школьников, тенденциях и направленности изменений.

1. *Традиционная модель маскулинности* опирается на нормы традиционного (патриархатного) типа культуры и характеризуется такими признаками как доминантность, стремление к установлению иерархии в отношениях, оппозиция всему «женскому», эмоциональная скупость, властность, жесткость и агрессивность, утверждение неравноценности женских и мужских ролей в семье и обществе (Р.Бреннон, 1976; Д. Плек, 1981; Е.В.Иоффе, 2012; И.Костерина, 2013 и др.).

2. *Современная модель маскулинности* опирается на нормы эгалитарного типа, проявляющие в установках на равноправие, партнерские отношения с другими, на конструктивный способ решения проблем, на эмоциональную чувствительность и открытость в отношениях, на личностное развитие мужчин в разных сферах жизни [12].

Принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях уступает ориентации на партнерство и паритет (Р. Коннелл, 2015; М. Киммел, 2008; И.С.Кон, 2002 и др.).

3. К характеристикам *традиционной модели фемининности* относятся: установка на материнство и замужество; значимость привлекательной внешности; стремление быть хорошей хозяйкой; готовность заботиться о семье и близких людях; эмоциональная чувствительность, мягкость, уступчивость, слабость и незащищенность [4, с. 57]. Данная модель фемининности не только противоположна по набору характеристик, соответствующих нормативному эталону традиционной маскулинности, она также олицетворяет *зависимость и подчиненность женской позиции*. Р. Коннел такой тип фемининности назвал «утрированной фемининностью» [13, с. 247].

4. *Нормы женского поведения эгалитарного типа* включают характеристики, способствующие расширению социальных ожиданий относительно особенностей поведения женщин и выравнивания статусных позиций мужчин и женщин в разных сферах жизни. По заключению исследователей, «...эгалитарные нормы женского поведения представляют собой не столько антипод традиционалистских норм, сколько ... такое сочетание маскулинных и фемининных характеристик и качеств, которое способствует самореализации личности и адаптации ее к современным условиям» [4, с. 78]. Замужество и материнство в рамках этой модели перестают быть исключительными сферами самореализации женщин, для многих женщин их профессиональная деятельность и карьера становятся не менее значимы, чем семейные роли.

Материалы и методы

Как известно, социально-конструктивистский подход, признающий основополагающую роль за социальными конструктами в познании, в качестве предмета исследования декларирует *социальные представления, нормы и традиции, регламентирующие поведение мужчин и женщин*. В нашем исследовании для выявления гендерных представлений школьников мы используем разработанные для этой цели опросники «Что я думаю о женском и мужском» (Штылева Л.В., Петрушихина Е.Б., 2017) для старших школьников и «Гендерная социализация школьников» (Ключко О.И., Штылева Л.В., 2017) для младших подростков [14, с. 326-331]. Методология опросников основана на классификации гендерных стереотипов, разработанной И.С.Клециной (1998), которые фактически играют роль гендерных норм и подразделяются на: 1) стереотипы маскулинности/фемининности; 2) стереотипы закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с половой принадлежностью и, наконец, 3) гендерные стереотипы, связанные с полоролевыми различиями в содержании труда/деятельности. Сбор данных осуществлялся способом индивидуального анкетирования. В исследовании участвовали 72 ученицы выпускных (11-х) классов и 109 учениц 5-х классов Пансиона воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации (Москва).

В изучении представлений пятиклассниц преимущественный акцент был сделан на исследовании показателей гендерной социализации по ряду признаков: традиционность/эгалитарность гендерных представлений, идеалов, выбора учебных предметов и профессий; наличие/отсутствие гендерной дифференциации видов деятельности, в том числе, в рамках семьи и образовательной организации; ведущие источники гендерной социализации.

Поскольку в исследовании гендерных идеалов воспитанниц 5-х и 11-х классов вследствие возрастных особенностей использовались разные анкеты, представим сравнительный анализ результатов по ключевым параметрам, позволяющим провести сравнительный анализ и определить приверженность младших подростков и старшеклассниц традиционным или эгалитарным нормам мужского и женского поведения, усвоенным в процессе гендерной социализации, определить вектор их изменений и наиболее противоречивые области гендерного мировоззрения представительниц молодого поколения.

Результаты исследования и интерпретация

Идеалы маскулинности/фемининности является ключевыми объектами в изучении гендерного аспекта ментальности личности в целом. В анкетах для пятиклассниц был поставлен вопрос «Кто для тебя идеал женщины/мужчины и почему?», для старшеклассниц этот же вопрос был сформулирован несколько иначе – «Какие женские и мужские качества ассоциируются у тебя с выражениями «быть «настоящей женщиной» или «настоящим мужчиной»? Продолжи предложение, впиши по 5-7 «женских» и «мужских» качеств в соответствующий раздел таблицы». Анализ и ранжирование результатов выявили содержание и общую направленность гендерных представлений пяти- и одиннадцатиклассниц (см. таблица 1, в % указана частота упоминания).

Таблица 1

Идеалы маскулинности и фемининности учениц 5-х и 11-х классов

Идеал женщины 5 класс, %	Быть настоящей женщиной – означает быть.... 11 класс, %	Идеал мужчины 5 класс, %	Быть настоящим мужчиной – означает быть... 11 класс, %
1. добрая – 33,9 2. красивая – 28,4 3. умная – 22 4. внимательная, заботливая – по 6 5. целеустремленная – 4,5 6. ласковая, трудолюбивая, с чувство юмора - по 3,6	1. заботливой – 83,3 2. нежной – 63,8 3. умной – 61,1 4. красивой – 44,4 5. доброй – 34,7 6. образованной – 23,6 7. скромной, хозяйственной – по 22,2	1. сильный – 27,5 2. смелый, отважный – 18,3 3. добрый – 16,5 4. умный, веселый – по 13,7 5. отзывчивый – 8,2 6. справедливый, честный, красивый - по 7,3	1. сильным – 68 2. заботливым – 44,4 3. умным – 40,28 4. мужественным – 38,9 5. ответственным – 29,17 6. решительным – 27,8 7. веселым, внимательным, уверенным в себе, храбрым – по 20,8

Сравнивая представления пятиклассниц и одиннадцатиклассниц об «идеальной женственности», мы видим множественные совпадения. С одной стороны, в ответах и тех и других преобладают гендерные нормы консервативной модели фемининности, ориентированные на служение, заботу, самореализацию преимущественно в рамках семьи и т.д. В то же время, в ответах и подростков, и старшеклассниц упоминаются характеристики, соответствующие модернизированным моделям фемининности (ум, целеустремленность, образованность) и связанные, на наш взгляд, с личностным развитием и профессиональной занятостью, что свидетельствует о ментальных изменениях, которые произошли в гендерных нормах женственности в результате социокультурных трансформаций российского общества в XX в. и укоренились в общественном сознании россиян.

Гендерные представления воспитанниц пансиона об идеальной маскулинности в целом комплиментарны их идеалам фемининности. Но гендерный идеал маскулинности пятиклассниц отличается от образа «настоящего мужчины» в представлениях старшекласниц пансиона большей психологической сензитивностью. Так, если у старшекласниц семь из десяти самых упоминаемых качеств соответствует нормам традиционной модели маскулинности, то в образе пятиклассниц – только 3 из десяти перечисленных качеств относятся к традиционалистским. Вместе с тем, следует обратить внимание, что вторым в рейтинге качеств идеальной маскулинности в ответах старшекласниц указана заботливость (44,4%), далее – добрый (16,5%) а заключают рейтинг внимательность (20,8%), добрый (16,5%), отзывчивый (8,2%), честный (7,3%) которые больше соотносятся с характеристиками маскулинности, ориентированной на взаимопонимание и партнерство, а не на иерархию и доминирование в отношениях. Таким образом, идеальный образ мужчины у пятиклассниц более эгалитарен, по сравнению со старшекласницами, однако следует отметить, что частота использования тех или иных качеств пятиклассницами в 2 и более раз меньше, что может говорить как о еще не полностью сложившихся гендерных представлениях, так и о дефиците позитивных гендерных образов в целом.

Именно с учетом смягчения гендерных идеалов и норм в современном обществе особое значение приобретают представления молодежи об образовательных предпочтениях и будущих планах. Результаты анкетного опроса пятиклассниц представлены в таблице 2.

Таблица 2

Предпочитаемые учебные предметы, профессии и хобби учениц 5-х классов

Любимый учебный предмет	%	Кем хочешь стать после школы ?	%	Твое хобби	%
Математика	50	Доктор, врач	20	Читать	61
Английский язык	34	Переводчик	13	Рисовать	34
Физкультура	19	Модельер, стилист	12	Дополнительное образование	21
Биология	15	Студент	10	Рукоделие	15
Информатика	13	Юрист, адвокат	9	Спорт	14
История	10	Дизайнер	8	Играть	10
Живопись	10	Дипломат, политик	7	Спать (отдыхать)	9
Немецкий/китайский язык	По 7	Учитель/педагог	6	Слушать музыку / Петь / Танцевать	По 7
Литература	7	Полицейский	5	Смотреть ТВ	6

Если сравнить полученные результаты с традиционным перечнем «девичьих» учебных предметов (русский язык, литература, история [15]) и соответствующим перечнем профессий гуманитарно-медицинского профиля, можно заметить некоторые изменения. С одной стороны, ряд профессий из традиционно «женского списка» сохранили свои позиции («врач», «модельер/стилист» и «учитель»), но с другой – обращает на себя внимание широкое разнообразие в выборе пятиклассницами будущих профессий (режиссер, бионик, зоолог, программист, фотограф, журналист, летчица, спортсменка, архитектор, химик, педагог, министр, повар, полицейский, военный), не вошедших в рейтинг, но выбираемых в 1-2 % случаев. Иными словами, около 40%

пятиклассниц 2017 г. заявили об ориентации на «нетрадиционные» для женщин профессии, в то время как наше предыдущее исследование жизненных перспектив у подростков (2011-12 гг.) зафиксировало исключительно традиционный выбор профессий у девочек [16]. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что современные пятиклассницы демонстрируют тенденцию к эгалитаризму в предпочтениях школьных предметов и будущих профессий. И хотя список желаемых профессий в этом возрасте очевидно условен, тем не менее, он отражает некоторые представления о желательном и возможном в жизненных перспективах девочек, что подтверждает предположение о существенном сдвиге в гендерном аспекте ментальности девочек-подростков за последние годы.

Перечень хобби пятиклассниц выглядит скорее нейтральным, чем ассиметричным, за исключением рукоделия, относительно низким выглядит процент предпочтения дополнительного образования, в то время как в реальности его посещают все девочки. Сам перечень кружков и секций дополнительного образования свидетельствует о широких возможностях выбора и значительном диапазоне предпочтений. В то же время, из пяти выделенных в ходе анализа групп дополнительного образования (см. таблицу 3) непосредственно научно-техническое образование оказалось менее всего востребовано пятиклассницами, что отражает, на наш взгляд, как традиционный подход к социализации девочек и гендерную сегрегацию российского рынка труда, так и затруднения в становлении познавательных интересов пансионеров (значительный процент ответов «ничего» от 25 до 77 %).

Таблица 3

Предпочтения пятиклассниц в выборе дополнительного образования, %

Музыкальное образование		Спортивное образование		Художественное образование		Хореографическое образование		Научно-техническое образование	
Ничего	54	Ничего	25	Ничего	43	Ничего	46	Ничего	77
Хор (вокал)	28	Баскетбол	24	Художественная студия	40	Эстрадные танцы	9	Роботехника	21
Фортепиано	13	Плавание	15	Керамика	14	Стэп	9	Шахматы	1
Валторна	5	Теннис	14	Драмкружок	14	Художественная гимнастика	6	Логическая математика	1
Труба	4	Плавание	13	Бумагопластика	7	Хореография	3		
Барабаны	3	Тхеквандо	8	Бисероплетение	2	Балет	3		
Саксофон	3	Волейбол	6	Рукоделие (шитье, вышивка)	2	Народные танцы	2		
Скрипка	3	Художеств. гимнастика	5	Квиллинг	1	Хип-хоп	2		

Представления старших школьников о гендерных различиях в содержании женского и мужского труда и природе этих различий оказались релевантны ранее отмеченным тенденциям к традиционности. Несмотря на то, что с утверждением: «Между мужчинами и женщинами есть различия (в восприятии, мышлении, личностных особенностях), но они не существенны» в той или иной степени выразили согласие 83% респондентов, а несогласие – 17%, при этом более 90% ответивших согласны с делением сфер труда и профессий на «женские» и «мужские», когда содержание женского труда подразумевает функции обслуживания, заботы, удовлетворения познавательных,

эстетических, витальных потребностей других, а содержание мужского труда носит созидательный, инструментальный, волевой и интеллектуальный характер. Описанные различия соответствуют традиционалистским гендерным стереотипам содержания женского и мужского труда, что подтверждается также указанием сфер наиболее успешной, по представлениям респонденток, профессиональной самореализации женщин и мужчин.

На вопрос «Как тебе кажется, существуют ли по-настоящему «мужские» и «женские» профессии? Если твой ответ «да», приведи примеры (до 6-8 позиций в каждом подразделе)» лишь около пяти процентов старшеклассниц одного из самых передовых (по материально-техническому, информационному и методическому обеспечению) учебных заведений страны ответили отрицательно, остальные участницы опроса, как оказалось, придерживались иной точки зрения и привели примеры (см. табл. 4). Почти 14% опрошенных назвали женской профессией сферу деятельности, которая по факту не имеет профессионального статуса – «домохозяйка», и в традиционном понимании подразумевает незанятость субъекта в общественном производстве, профессиональной деятельности в буквальном смысле этого слова.

Таблица 4

Представления старшеклассниц о делении профессий на «женские» и «мужские»

Женские профессии	Мужские профессии
1. Учитель – 37,5 % 2. Воспитатель – 30,6% 3. Косметолог -30,6% 4. Врач, швея – по 18,05 % 5. Парикмахер – 15,3 % 6. Домохозяйка – 13,9 % 7. Медсестра – 12,5% НЕ СУЩЕСТВУЕТ – 4,2%	1. Слесарь – 40,3 % 2. Строитель – 31,9 % 3. Юрист, охранник – по 25 % 4. Инженер, водопроводчик – по 16,7 % 5. Военнослужащий – 15,3 % 6. Врач, грузчик – по 13,8 % 7. Программист – 12,5 % НЕ СУЩЕСТВУЕТ – 5,6 %

Разумеется, большинство указанных позиций может быть легко оспорено примерами из современной практики, когда, в силу разных причин, мужчины работают швеями, парикмахерами, педагогами и пр., а женщины – юристами, служат в вооруженных силах, охраняют, строят, врачуют, программируют и пр. Нет сомнений, что участницы опроса также имеют об этом представление, но в их сознании доминируют традиционные гендерные стереотипы, которые могут стать существенным препятствием в их собственной профессиональной самореализации, могут помешать выбрать профессию не «по полу», а по способностям и призванию.

Таким образом, познавательные и профессиональные интересы школьниц неоднородны: пятиклассницы демонстрируют тенденцию к эгалитарной норме в приоритете учебных предметов, разнообразии профессий и дополнительного образования (за исключением научно-технического), в то время как старшеклассницы в своих представлениях о профессиях более тяготеют к традиционным нормам.

Наконец, одним из наиболее выразительных гендерных компонентов ментальности являются представления о семье и семейных ролевых моделях. В изучении матримонимальных представлений пятиклассниц вопрос о домашних обязанностях был принципиальным, поскольку фиксировал дифференциацию ролей и видов труда в семье, иллюстрировал тип семьи. Приведем полный перечень всех названных пятиклассницами домашних обязанностей в порядке убывания:

- наиболее распространенные обязанности девочек связаны с уборкой: уборка в квартире, доме, комнате (49%), мыла посуду (42%), стирала белье (21%), мыла пол, коридор (15%), прибирала у себя в вещах (14%), подметала пол (14%), вытирала пыль (13%), пылесосила (12%), застилала постель (9%), ухаживала за домашними животными (7%), выносила мусор (3%),
- другие обязанности обслуживающего типа встречаются значительно реже: приготовление пищи (14%), поливала цветы (3%), гладила вещи (5%), ходила в магазин (2%), собирала с грядки овощи (1%), убирала снег (1%).
- как отдельные обязанности выделились 1) забота о младших, но проявлялись она редко: играла с братом, племянницей (3%), помогала брату с учёбой (1%) и 2) функции помощи – помогала маме (4%), помогала родным (1%), помогаю во всём (1%).

Таким образом, диапазон семейных (домашних) обязанностей девочек чрезвычайно традиционен и типичен, что свидетельствует о сохранении в педагогической культуре современной семьи традиционного полоролевого подхода к гендерной социализации молодого поколения.

Уточняющие вопросы для учениц 5-х классов «Что ты делаешь вместе с мужчинами?» и «Что ты делаешь совместно с женщинами?» позволили выявить и уточнить дифференциацию видов деятельности, включенность в них девочек. Условно ответы можно разделить на две группы:

1. делаю вместе с мужчинами (в порядке убывания частоты) – играю, разговариваю, общаюсь, смотрю телевизор и фильмы, гуляю, бегаю, занимаюсь спортом, готовлю еду, учу уроки, конструируем, слушаю музыку, езжу на рыбалку, бешусь, развлекаюсь, ничего не делаю, нет мужчин.
2. делаю вместе с женщинами (в порядке убывания частоты) – готовлю, убираюсь, общаюсь, играю, смотрим телевизор и фильмы, ходим по магазинам, читаю книги, путешествую, веселюсь, помогаю, гуляю, занимаюсь рукоделием, танцую, отдыхаю, все вместе делаем.

Несмотря на то, что общий перечень ответов по разнообразию и общему числу примерно одинаков, однако частотность разная: играю и разговариваю/общаюсь больше с мужчинами, готовлю и убираюсь – с женщинами, что подтверждает доминирование гендерной сегрегации видов деятельности в семьях воспитанниц Пансиона. Гендерный контекст полоролевой социализации девочек в семье обуславливает формирование их представлений о нормативном распределении труда, обязанностей и ролей между мужем и женой.

Для изучения представления старшеклассниц о гендерных нормах распределения ролей между мужем и женой в семье, им предлагалось выбрать один из 6 вариантов (вопрос № 6). Абсолютное большинство отдало предпочтение варианту «оба супруга работают и совместно ведут домашнее хозяйство» (63 %), каждая пятая согласилась с вариантом «оба супруга работают, домашние дела выполняет преимущественно жена» (20%), десятая часть опрошенных проголосовала за вариант «оба супруга работают, а уход за детьми и ведение домашнего хозяйства берут на себя другие члены семьи, родственники (бабушки, дедушки, братья и сёстры, другие родственники)». Менее традиционные варианты «жена работает, муж ведет домашнее хозяйство» и «оба супруга работают, а для ведения домашнего хозяйства нанимают помощников (за деньги)», как и самый традиционный вариант «контракта домохозяйки» - «муж работает, жена ведет домашнее хозяйство», набрали по 1% голосов. На наш взгляд,

формулировки некоторых вариантов оказались недостаточно конкретными, что помешало добиться полной ясности по исследуемому вопросу. Так, лидирующий в ответах вариант «оба супруга работают и совместно ведут домашнее хозяйство» не раскрывает сути «совместного ведения», которое на деле может оказаться как паритетом и взаимозаменяемостью по ситуации, так и традиционным делением обязанностей супругов в семье, при котором львиная доля труда выполняется женщиной.

Тем не менее, из полученных ответов можно сделать несколько выводов. Во-первых, практически все респондентки являются сторонницами двукарьерной семьи, т.е. в будущем видят себя и мужа в роли работников, совмещающих семейные и профессиональные роли. Во-вторых, большинство из них поддерживает идею равноправного участия супругов в ведении домашнего хозяйства. Следует подчеркнуть, что представления старшеклассниц о возможных вариантах распределения ролей между супругами в их будущей семье будут определять их гендерные стратегии: или гармоничного совмещения нескольких ролей (жена, мать, профессионал), или выбор между семьей и профессией, то есть ограничат развитие (как личностное, так и профессиональное) известным феноменом «двойной занятости», внутриличностными гендерными конфликтами (*ролевой конфликт работающей женщины, экзистенциально-гендерный конфликт*) [18].

Из анализа ответов школьниц следует, что на сегодняшний день как пятиклассницы, так и старшеклассницы в большей степени привержены преимущественно традиционалистским гендерным нормам распределения ролей в семье, в которых пока малозаметны современные и гибкие варианты, связанные с учетом конкретной ситуации и/или эгалитарными взглядами на равенство ответственности работников с семейными обязанностями за ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, уход за пожилыми и больными членами семьи и др.

Специфика исследуемой группы старшеклассниц заключалась в том, что с V по XI класс они обучались в учреждении закрытого типа (пансион воспитанниц Министерства Обороны РФ), а пятиклассницы проучились в условиях раздельного образования неполный год. Современные пансионерки, в отличие от их сверстниц предыдущих веков, активно общаются с родителями и знакомыми, имеют свободный доступ к разнообразной информации и литературе, участвуют в огромном количестве мероприятий городского, всероссийского и международного масштаба. План учебно-воспитательной работы учреждения изобилует тематическими неделями, экскурсиями, конкурсами и олимпиадами, встречами с интересными людьми, среди которых выдающиеся современницы (женщины – предпринимательницы, ученые, политики, офицеры, артистки, режиссеры, писательницы, политики), представители разных профессий обоих полов и др. Система дополнительного образования в рамках Пансиона предлагает обучающимся широкий спектр занятий по интересам.

Тем не менее, следует признать, что условия полоролевой социализации пансионеров в наиболее сензитивном возрасте становления их гендерной идентичности (подростковый и юношеский), когда наиболее активно формируются и переосмысливаются гендерные идеалы и представления, отличаются от обычных. Исходя из вышеизложенного, в анкету был включен следующий вопрос, направленный на выявление основных источников формирования гендерных идеалов школьниц. Для пятиклассниц это вопрос: «Кто для тебя идеал женщины/мужчины?». Для 11-классниц это вопрос: «У большинства людей, живущих в мире, особенно в юном возрасте, есть образы (их условно можно назвать «идеальными моделями», образцами для подражания и т.п.),

на которые они стремятся походить внутренне и/или внешне. Как тебе кажется, что и кто сегодня в большей степени влияет на твои представления об идеале женщины (поставь соответствующий балл по каждой позиции и/или впиши недостающий, на твой взгляд, ответ)».

Как следует из ответов, абсолютные аутсайдеры влияния на гендерные идеалы учащихся - примеры их педагогов, знакомых женщин - домохозяек, образы героинь из произведений школьного курса литературы, примеры женщин - известных спортсменов и женщин – политиков. Заметное влияние на свои гендерные идеалы, как пятиклассницы, так и выпускницы, признали только за женщинами из близкого круга родственниц (мать, сестра, тётя, бабушка). Второе меньшее влияние – за женщинами – успешными предпринимательницами, известными актрисами и другими медийными фигурами.

Женские идеальные образы пятиклассниц мало вариативны – 32% это образы сказочных героинь (например, Алиса из «Зазеркалья», Гермиона Грейнджер из фильма «Гарри Поттер», Золушка, Настенька из сказки «Морозко»), 7% известные женщины (7%, Валентина Терешкова, Ани Лорак), 4% исторические образы (Екатерина II, Зоя Космодемьянская) при абсолютной идеализации образа матери у 96 %, что в целом соответствует возрастным особенностям младшего подросткового возраста. Мужским идеальным образом выступает чаще всего отец (86%), брат (6 %), дедушка (4 %), перечень мужских образов также крайне мал (по 2 % – Владимир Машков, Егор Дружинин, Люк Хеммингс, Владимир Путин, Шерлок Холмс).

Заключения и рекомендации

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующее заключение о содержании и динамике гендерного компонента ментальности девочек 12-18 лет, воспитывающихся в Пансионе Министерства Обороны РФ:

1. в результате социализации в обществе с культурой переходного типа гендерная ментальность девочек и девушек – пансионеров представляет противоречивую смесь эгалитарных и традиционных гендерных представлений, причем у пятиклассниц гендерные представления носят более эгалитарный характер, нежели у старшекласниц. Можно предположить, что различия в гендерных идеалах вновь поступивших на учебу девочек и старшекласниц обусловлены как изменением социокультурного контекста гендерных отношений в России в целом, так и недостаточным вниманием к гендерному аспекту социализации воспитанниц закрытого образовательного учреждения в частности. В то же время перечень качеств идеальной фемининности и мускулинности свидетельствуем о начавшемся в ментальности школьниц переходе от традиционных норм к эгалитарным;
2. гендерные нормы традиционалистского типа (женщина-домохозяйка) отвергаются школьницами как не соответствующие современности, о чем свидетельствует их более позитивное отношение к образам женщин в профессиональных и публичных ипостасях. В то же время налицо укорененность в сознании воспитанниц представлений о гендерной сегрегации в профессиональной деятельности и домашних обязанностях, образовании, общении, противопоставление личностных качеств мужчин и женщин;

3. несмотря на широкие образовательные возможности Пансиона, у его воспитанниц выявлен дефицит женских и мужских идеальных образов, что проявилось в узком диапазоне примеров и невысокой степени их значимости. В целом в характеристиках доминирующих идеалов и моделей для подражания отмечается преобладание традиционных гендерных репрезентаций фемининности над нетрадиционными.
4. низкий рейтинг педагогических сотрудников Пансиона в ряду образцов для подражания может свидетельствовать, с одной стороны, о наличии скрытых проблем в отношениях между педагогами и воспитанницами, обусловленных, в свою очередь, служебными функциями учителей и воспитателей; а с другой – недостаток яркой личностной, в том числе и гендерной, репрезентации женщин - педагогических работников в глазах воспитанниц Пансиона. Обоснованность наших выводов подтверждается результатами исследований педагогов и психологов пансиона [19; 20]. Исследование психологов Пансиона показало, что четверть одиннадцатиклассниц и практически треть ранее окончивших обучение демонстрируют приверженность традиционалистской модели норм женского поведения, что свидетельствует об устойчивости выявленной нами тенденции.

Таким образом, гипотеза, выдвинутая в начале исследования, подтвердилась. В гендерных представлениях обучающихся перемежаются традиционные и эгалитарные взгляды на идеалы гендерных отношений, фемининности и маскулинности. Выявленный в исследованиях устойчивый традиционалистский уклон во взглядах старшеклассниц пансиона на гендерные различия между полами в профессиях, содержании труда, женских и мужских ролях в семье и обществе свидетельствует о недостатках педагогических условий, содержания и методов гендерной социализации пансионеров, подготовки их к эгалитарной модели отношений между полами, актуальной в современном постиндустриальном обществе.

Эгалитарные изменения в гендерных представлениях школьниц касаются признания непреложной ценности образования и профессиональной самореализации в жизни женщины, а также широких познавательных и образовательных интересов, приоритета стратегии сочетания семейных и профессиональных обязанностей, однако эта тенденция пока не подтверждается во взглядах на распределение домашних обязанностей между членами семьи.

Для преодоления проблем, выявленных в гендерной социализации воспитанниц кадетского Пансиона можно рекомендовать следующие меры:

- в воспитании пансионеров содержательно и целенаправленно перейти от полоролевой к гендерной модели социализации в образовании, ориентированной на учет личностных особенностей; отсутствие противопоставления «мужского» и «женского»; стремление развивать сочетание разных характеристик; сотрудничество, партнерство мужчин и женщин, мальчиков и девочек; обогащение содержания образования различными гендерными образами [21];
- обратить внимание на гендерный аспект преподавания как общественных, гуманитарных, так и естественнонаучных дисциплин общеобразовательного курса, где содержится необходимый и доступный для понимания школьницами материал о социокультурных и исторических предпосылках гендерного неравенства полов, его преходящем характере, механизмах социального конструирования гендерного уклада и идеалов общества, о цивилизационном смысле

смены типов отношений между полами (перехода от отношений неравенства и насилия к эгалитарному партнерству) и др. [22];

- совершенствовать гендерный аспект педагогической культуры в образовательном учреждении: критически оценить содержание и направленность гендерных идеалов самих педагогов и не допускать трансляции традиционных гендерных стереотипов в учебно-воспитательном процессе и неформальном общении с обучающимися [23; 25];
- определить содержание и направленность гендерных идеалов воспитанниц, а также динамику их основных показателей как один из существенных образовательных результатов и регулярно проводить их диагностику и рефлексию [24].

Полагаем, что данные рекомендации актуальны для большинства образовательных организаций России в контексте глобальных изменений и ситуации неопределенности современного общества. Второй Евразийский женский форум, прошедший в Санкт-Петербурге 19-21 сентября 2018 года, подчеркнул давно назревшую необходимость в решении вопросов гендерной дискриминации и сексизма, продвижения идеи гендерного равенства как равенства возможностей, создания условий для реализации репродуктивных прав и профессиональных достижений женщин, продвижения участие девушек и женщин в науке и бизнесе, сохранения здоровья и развития женского лидерства [24]. Данные задачи будут решать современные молодые люди, в том числе и школьницы, принявшие участие в данном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
2. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования: коллективная монография /отв. редактор Н. Х. Орлова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. С.8-32.
3. Ковтун Г. С., Куперман А. А. Гендерные представления современной студенческой молодежи (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 53-63.
4. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.
5. Ожигова Л.Н. Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтнической среде: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2009. 192 с.
6. Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании: материалы всерос. конференции 16 июня 2016 г., Москва / ред. Л.Ю.Максимова. М.: Физматкнига, 2016. 544 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27297323> (дата обращения: 25.12.2018)
7. Kristen Schultz Lee, Paula A. Tufiş, Duane F. Alwin The Cultural Divide and Changing Beliefs about Gender in the United States, 1974–2010. Sex Roles. October 2018, Volume 79, Issue 7–8, pp 393–408.
8. Хитрук Е.Б. Мужское и женское: от природы к культуре / науч. ред. В.Н. Сыров. Томск: Издат. дом ТГУ, 2017. 280 с.
9. Чекалина А.А. Гендерные аспекты ментальности как проблема психологического анализа // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи: сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», 5 апреля. 2018 г. МГПУ. СПб. : НИЦ-АПЦ, 2018. С.14-23. URL: <https://biblio-online.ru/book/711A80CA-3E33-4F12-B3B1-DB8587A778A6/gendernaya-psihologiya-i-pedagogika> (дата обращения: 25.12.2018)
10. Marjorie Chinen and Mohammed Elmeski Evaluation Of The Transformative Potential of Positive Gender Socialization in Education for Peacebuilding. American Institutes for Research, 2016. 102 p.
11. Rakić, T., Steffens, M.C. & Wiese, H. Steffens Same-gender distributors are not so easy to reject: ERP evidence of gender categorization. Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. October 2018, Volume 18, Issue 5, pp 825-836. <https://doi.org/10.3758/s13415-018-0607-3>.
12. Munsch, C.L. & Gruys, K. What Threatens, Defines: Tracing the Symbolic Boundaries of Contemporary Masculinity. Sex Roles. V.79, Issue 7-8, October 2018. pp. 375-392. <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0878-0>
13. Коннел Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
14. Гендерная психология и педагогика: учебник и практикум /А.А. Чекалина, Л.В.Штылева и другие / под ред.

- О.И. Ключко. М.: Юрайт, 2017. 404 с.
15. Савинская О. Б., Мхитарян Т. А. Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 34-48. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.4
16. Ключко О.И., Татюшева Е.И. Гендерная асимметрия жизненных перспектив у школьников разного возраста // *Гуманитарные науки и образование*. 2012. № 1 (9). С. 82-86.
17. Татаринцева М.С. Образ родительской и будущей семьи у подростков из семей разного типа // *Современная психология*. 2016. №1. URL: <http://modernpsy.org/ru/2016/1/6> (дата обращения: 25.12.2018)
18. Алешина Ю.Е., Лекторская Е.В. Ролевой конфликт работающей женщины // *Вопросы психологии*. 1989. № 5. С. 80-88.
19. Мазелецкая Ю.Б. Представления о гендерных идеалах воспитанниц 11 класса // *Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании*. М.: Физматкнига, 2018. С.474-485.
20. Куренкова М.В., Соколова Е.И. Сравнение убеждений и установок в сфере женских ролей и фемининности воспитанниц 11 курса и выпускниц пансиона // *Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании*. М.: Физматкнига, 2018. С.465-473.
21. Ключко О.И. Модели полоролевой социализации в российском образовании // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С.80-91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25862442> (дата обращения: 25.12.2018)
22. Lawrence S. Mayer and Paul R. McHugh, *Sexuality and Gender: Findings from the Biological, Psychological, and Social Sciences*, The New Atlantis, Number 50, Fall 2016. 144 p. URL: <https://www.thenewatlantis.com/publications/executive-summary-sexuality-and-gender> (дата обращения: 25.12.2018)
23. Штылева Л.В. Гендерная социализация в школьном образовании // *Педагогика*. 2017. №3. С.57-61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28916197> (дата обращения: 25.12.2018)
24. Азарова Л.Н. Развитие гендерного самосознания: опыт рефлексивного анализа: Монография / Л.Н. Азарова, А.А. Чекалина. М.: Изд-во МГПУ, 2016. 170 с.
25. Штылева Л.В. Гендерная социализация школьников в российском образовании: теория, история и современная практика: монография. СПб.: НИЦ-АРТ, 2017. 524 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30745516> (дата обращения: 25.12.2018)
26. Итоговый документ второго Евразийского женского форума. URL: <http://eawf.ru/n2018/about/docs/> (дата обращения: 25.12.2018)

REFERENCES

1. Giddens E. The transformation of intimacy. Saint-Petersburg, Peter Publ., 2004. 208 p. (in Russian)
2. Con I. S. Three in one: sexual, gender and family revolutions // *post-classical gender studies: collective monograph* / ed. N. H. Orlova. Saint-Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2011. pp. 8-32. (in Russian)
3. Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. Gender representations of modern student youth (by the material of Vladivostok). *Woman in Russian society*. 2017. no. 1 (82). pp. 53-63. (in Russian)
4. Kletsina I. S., Ioffe E. V. Gender norms as socio-psychological phenomenon: monograph. Moscow, Prospect Publ., 2017. 144 p. (in Russian)
5. Ozhigova L. N. Semantic mechanisms of gender and professional realization of personality in a multi-ethnic environment: monograph. Krasnodar, Publishing House of Kuban state University, 2009. 192 pp. (in Russian)
6. Theory and practice of gender approach implementation in education: materials of the conference, 16 June 2016, Moscow / ed. by L. Y. Maksimov. Moscow, Fizmatkniga Publ., 2016. 544 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27297323> (accessed 25 December 2018) (in Russian)
7. Lee, K.S., Tufiş, P.A. & Alwin, D.F. The Cultural Divide and Changing Beliefs about Gender in the United States, 1974-2010. *Sex Roles*. 2018, vol. 79, Issue 7-8, pp. 393-408. <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0874-4>
8. Khitruk, E. B. Male and female: from nature to culture / science. ed. by V. N. Syrov. Tomsk, Publishing House of TSU, 2017. 280 p. (in Russian)
9. Chekalina A. A. Gender aspects of mentality as a problem of psychological analysis in the mentality and socialization of students: *collection of materials of the thematic section of the all-Russian scientific and practical conference «the Child in the educational space of the metropolis»*, 05.04.2018. Saint-Petersburg, NIC-ART Publ., 2018. pp. 14-23. (in Russian)
10. iChinen, M., Elmeski M. Evaluation of the Transformative Potential of Positive Gender Socialization in Education for Peacebuilding. *American institutions for Research*, 2016. 102 p. Available at <http://www.dmeformpeace.org/educateforpeace/evaluation-transformative-potential-positive-gender-socialization-education-peacebuilding/> (accessed 25 December 2018)
11. Rakić, T., Steffens, M.C. & Wiese, H. Steffens Same-gender distributors are not so easy to reject: ERP evidence of gender categorization. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2018, Vol.18, Issue 5, pp 825-836. <https://doi.org/10.3758/s13415-018-0607-3>
12. Munsch, C.L. & Gruys, K. What Threatens, Defines: Tracing the Symbolic Boundaries of Contemporary Masculinity. *Sex Roles*. 2018. vol. 79, Issue 7-8, pp. 375-392. <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0878-0>
13. Connell R. Gender and power: society, personality and gender policy. Moscow, New literary review, 2015. 432 p.

14. Gender psychology and pedagogy: textbook and workshop / A.A. Chekalina, L.V. Shtyleva and others / ed. O. I. Klyuchko. Moscow, Urait Publ., 2017. 404 p. Available at: <https://biblio-online.ru/book/711A80CA-3E33-4F12-B3B1-DB8587A778A6/gendernaya-psihologiya-i-pedagogika> (accessed 25 December 2018) (in Russian)
15. Savinskaya O. B., Mkhitarian T. A. Technical discipline (STEM) as a maiden professional choice: achievements, self-evaluation and the hidden curriculum. *Woman in Russian society*. 2018. no. 3. pp. 34-48. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.4 (accessed 25 December 2018) (in Russian)
16. Klyuchko O. I., Tatusova E. I. Gender inequality in life prospects for students of different age. *Humanities and education*. 2012. no. 1 (9). pp. 82-86. (in Russian)
17. Tatarintseva M. S. The image of the parent and future family in adolescents from families of different types. *Modern psychology*. 2016. no. 1. Available at: <http://modernpsy.org/ru/2016/1/6> (accessed 25 December 2018) (in Russian)
18. Aleshina Y. E., Lectorskaya E. V. Role conflict of a working woman. *Voprosy Psichologii*. 1989. no. 5. pp. 80-88. (in Russian)
19. Mazaletskaya Y. B. Presentation on the gender ideals of the students of grade 11. *Theory and practice of implementation of the gender approach in education*. Moscow, Fizmatkniga Publ., 2018. pp. 474-485. (in Russian)
20. Kurenkova M. V., Sokolova E. I. Comparison of beliefs and attitudes in the field of women's roles and femininity of students 11 course and graduates of the board. *Theory and practice of implementation of the gender approach in education*. Moscow, Fizmatkniga Publ., 2018. pp. 465-473. (in Russian)
21. Klyuchko O. I. Model of sex-role socialization in the Russian education. *Woman in Russian society*. 2016. no. 1. pp. 80-91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25862442> (accessed 25 December 2018) (in Russian)
22. Lawrence S. Mayer and Paul R. McHugh, Sexuality and Gender: Findings from the Biological, Psychological, and Social Sciences. *The New Atlantis*, 2016, no. 50. 144 p. Available at: <https://www.thenewatlantis.com/publications/executive-summary-sexuality-and-gender> (accessed 25 December 2018)
23. Shtyleva L.V. Gender socialization in school education. *Pedagogy*. 2017. no. 3. pp. 57-61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28916197> (accessed 25 December 2018) (in Russian)
24. Azarova, L. N. The development of gender identity: the experience of reflexive analysis: monograph / L. N. Azarova, A. A. Chekalina. Moscow, Publishing house of MSU, 2016. 170 p. (in Russian)
25. Shtyleva L. V. Gender socialization of schoolchildren in Russian education: theory, history and modern practice: monograph. Saint-Petersburg, NIC-ART Publ., 2017. 524 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30745516> (accessed 25 December 2018) (in Russian)
26. The final document of the second Eurasian women's forum. Available at: <http://eawf.ru/n2018/about/docs/> (accessed 25 December 2018) (in Russian)

Информация об авторах

Ключко Ольга Ивановна

(Россия, Москва)

Доктор философских наук, профессор департамента психологии

Московский городской педагогический университет

E-mail: olga_kliutchko@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1446-3965>

Штылева Любовь Васильевна

(Россия, Москва)

Кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт исследований детства, семьи и воспитания

Российской академии образования

E-mail: lyubov-shtyleva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0333-7448>

Information about the authors

Olga I. Klyuchko

(Russia. Moscow)

Doctor of Philosophy, Professor of Department of Psychology

Moscow City University

E-mail: olga_kliutchko@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1446-3965>

Lyubov V. Shtyleva

(Russia. Moscow)

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher

Institute of Childhood, Family and Education Study of the Russian Academy of Education

E-mail: lyubov-shtyleva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0333-7448>